

Вдова из Эфеса

В городе Эфесе жила женщина такой красоты, что женщины говорили при встрече с ней:

— Да будет благословенна твоя мать, которая родила тебя такой прекрасной!

А мужчины богохульствовали:

— Что дремлешь ты там. Юпитер, около своей Юноны! Вот когда, вот когда тебе следовало бы превратиться в быка и украсить лоб грозными рогами, или принять вид белоснежного лебедя, или, — что, может быть, действительно всего в мире, — осыпать золотым дождём эту новую Данаю.

Поднимем наш кубок в память Париса! Счастье, что не было на склоне горы Иды этой женщины из Эфеса, — тогда бы Парис имел против себя не двух, а трёх богинь!

Она была замужем за знатным человеком, который скоро умер и оставил её молодой вдовой.

Она слышать не хотела об утешении.

Распустила по мраморным плечам свои светлые, — не крашенные, друзья, а настоящие светлые! — волосы и, раскрыв свою божественную грудь, царапала её, словно грудь соперницы, борясь со своей красотой, как со врагом.

Это было достойно слёз.

И Эфес плакал.

Прекрасная вдова объявила:

— Заприте меня в той пещере, где вы похороните моего мужа, — и пусть я там умру от голода и горя.

И так как воля её была непреклонна, то её допустили в пещеру, где положили набальзамированное тело её мужа, оставили ей только светильник и запас масла, чтобы она могла, оплакивая, видеть черты дорогого покойника, и завалили вход в пещеру большим камнем.

Никогда ещё Афродите, матери любви, не приносилось столь огромной жертвы.

Это были двойные похороны, друзья.

В то время, как трубы раздирали своим рёвом воздух, возвещая смерть старика, флейты нежно оплакивали молодую жизнь.

И все ушли.

Вдова осталась вдвоём с трупом.

Случилось, что через несколько дней невдалеке от той пещеры, где был похоронен столь счастливый муж столь несчастной вдовы, распяли на крестах пять рабов.

И, по обычаю, поставили легионера стеречь, чтобы ночью родственники не пришли, не сняли с крестов распятых и не оказали погребением почестей тем, кто обречён на бесчестную смерть.

Ночью, стоя на страже, легионер увидел полоску света между камнями.

Что бы это могло быть?

Он отвалил камень, вошёл в пещеру и увидел вдову, распростёртую на трупе мужа, при свете погребального светильника.

Поражённый легионер воскликнул:

— Два трупа!

Вдова, подняв своё заплаканное лицо, ответила:

— Нет, воин. Пока один. Но скоро ты увидишь два.

Легионер сказал:

— Тогда я подожду, чтобы воздать тебе погребальные почести.

Он вернулся к крестам, где оставил свой запас пищи, принёс его в пещеру и стал разогревать котелок с похлёбкой из рыбы с маслом и вином.

Кушанье, как говорят, впервые изготовленное Афродитой в Галлии.

Красота умирающей так же поразила легионера, как её бледность, и он сказал:

— Ешь, госпожа!

Вдова твёрдо ответила:

— Нет!

Но запах рыбы и вина был убедительнее простых слов простого legionera.

Нет ничего нестерпимее, чем, умирая от голода, видеть, как ест другой.

На этом основана ненависть бедных к богатым.

Увидав, как legioner жадно ест похлёбку, вдова с отвращением, но сказала:

— Дай и мне.

И, раз начавши есть, оторваться не могла.

И поела досыта.

Сердце человеческое не живёт без желаний. Так цветок всегда привлекает к себе пчёл.

И когда, насыщенное, умирает одно желанье, — на смену ему родится другое.

На полный желудок сильнее бьётся сердце.

И legioner, который был красив хотя бы и не для простого legionera, сказал, как только мог нежнее:

— Госпожа! Твоя печаль имеет своим источником, конечно, благочестие?

— И покорность воле богов, отнявших у меня с супругом и самую жизнь! — ответила вдова.

— Тем страннее мне видеть благочестие, соединённое с нечестием!

Вдова испуганно воскликнула:

— В чём же ты видишь нечестие, воин?

И legioner продолжал:

— Ответь мне на один вопрос. Не есть ли красота такой же дар богов, как свет солнца? Разве солнце не светит так же всем, ходящим по земле, как красотой любуются все, кто её видит?

— Ты прав, что это такой же дар богов. Мысль твоя благочестива! — подумав, согласилась вдова.

— Итак, красота есть солнечный свет, ходящий по земле. Прекрасно, госпожа. Что же, ты считаешь себя мудрее богов или хочешь быть могущественнее их? Как? Ты даёшь труп то, в чём отказали ему сами бессмертные боги? Если солнечный свет не проникает в могилы, зачем же здесь красота? И нуждается

ли в ней труп? Думаешь ли ты этим оживить его? Или соединиться с мёртвым по смерти? Разве в одних и тех же рощах в одних и тех же долинах Элизия бродят тени тех, кто умер просто от болезни, и тех, кто умер от любви? Если ты хочешь соединиться с супругом по смерти, подожди, когда ты умрёшь, как и он, от болезни. И не умирай от любви! Чтобы не быть разлучённой с ним навеки. А пока ты живёшь, повинуйся богам: свети живым, а не мёртвым!

Быть может, тут случилось то же, что и с похлёбкой из рыбы и вина.

Мужественная красота legionera, быть может, оказалась ещё сильнее его хитрых слов.

Но только вдова, как плакучая ива склоняется к бегущему и волнующемуся ручью, склонилась на грудь legionera, волнуемую страстью, и прошептала:

— Боги говорят твоими устами.

Так провели они ночь, и факелом Гимена был погребальный светильник, и мертвец был слеп, как Купидон.

Наутро, выйдя из пещеры, legioner закричал от ужаса.

Ночью, как шакалы подкрадываются к падали, к кресту одного из распятых рабов подкрались его родственники и украли труп, чтобы предать погребению.

В ужасе вернулся legioner к своей возлюбленной.

Вынул меч и сказал:

— Воздай и мне погребальные почести, хотя бы такие же кратковременные, как ему! Ты будешь оплакивать здесь двоих!

И, смерть предпочитая бесчестию, он остриём меча нащупал, где сердце, чтобы умереть от своей руки, а не быть распятым на кресте украденного раба.

Но женщина схватила его за руку.

— Остановись, несчастный! Конец наших дней принадлежит богам так же, как начало! Зачем? Мы повесим на кресте его. Ему не всё ли равно?

И они распяли на кресте тело покойного знатного человека.

И всё обошлось благополучно.

Так на могилах вырастают цветы.

